

С. Б. Жихарев

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

ОСОВЕЦКИЙ КРЕПОСТНОЙ РАЙОН В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются отдельные аспекты Первой мировой войны, в частности ведение боевых действий на территории Беларуси. В столетний юбилей Первой мировой войны появились статьи белорусских и российских авторов в которых рассматривается проблематика фортификации, вооружения, наиболее значимых военных действий. В представленной статье исследуется роль крепости Осовец в противостоянии российской и германской армий.

Заметное влияние на развитие российского крепостного военно-инженерного дела последней трети XIX в. оказала франко-прусская кампания 1870–1871 гг. Практически сразу после завершения войны в Российской империи разрабатывались проекты строительства новых крепостей. В 1873 г. на официальном уровне принимается решение об усилении фортами существовавших в районе западных границ империи крепостей. Тогда к фортификационным сооружениям, требующим безотлагательной постройки, Особое совещание о стратегическом положении России отнесло на тот момент форт-заставу Осовец. Расположить будущую пограничную крепость-заставу военные инженеры планировали возле одноименного с ней местечка на Лыко-Белостокской железной дороге. Запирая Граево-Брестскую железную дорогу, Осовец таким образом преграждал противнику ближайший и удобный доступ к важному в стратегическом отношении Белостокскому железнодорожному узлу, становясь удобным плацдармом для перехода русских войск в наступление на Восточную Пруссию. И все-таки главным назначением Осовецкой крепости должна была стать оборона линии р. Бобр и ее переправы Шведский брод, названной так в связи с памятным событием Северной войны (в 1708 г. здесь осуществлялась переправа шведской армии Карла XII). Финансовые средства для проведения работ были выделены, и Главное инженерное управление приступило к съемке местности, разбивке и трассировке укреплений, составлению типовых чертежей новых фортов. Строительство

крепости началось в 1882 г. В течение 90-х годов XIX в. и первого десятилетия XX в. Осовец постоянно совершенствовался. С 1912 г. в крепости создавались эффективные убежища, способные выдержать длительный обстрел крупнокалиберной осадной артиллерии противника. В Первую мировую войну «игрушечная крепость» Осовец (оценка кайзера Вильгельма II) выдержала серьезные бомбардировки в сентябре 1914 и феврале 1915 гг., более полугодом оборонялась, пережила немецкую газовую атаку и не капитулировала, в итоге была эвакуирована.

Истории крепости Осовец в 1882–1915 гг. посвящен ряд работ, впервые изданных в 20–30-е гг. XX ст. К числу наиболее известных и доступных трудов, созданных в межвоенный период, можно отнести книги С. А. Хмелькова «Борьба за Осовец» [1] и В. В. Яковлева «История крепостей» [2]. Авторы довольно обстоятельно раскрыли основные этапы строительства крепости Осовец (устройство фортов и др. фортификаций), обозначили ее функциональное назначение, показали процесс непрерывного совершенствования военно-инженерных и иных сооружений в мирный период и во время боевых действий, их сильные и слабые стороны. Оценка состоянию крепости и действиям ее защитников в условиях первого года Великой войны выставлена названными исследователями как итог успешно сданного ими тяжелейшего боевого экзамена.

В столетний юбилей Первой мировой войны появились статьи белорусских и российских авторов в которых на основе неизвестных – в первую очередь архивных источников – исследованы малоизученные стороны темы «Оборона Осовца». Так, гродненские историки С. А. Пивоварчик и В. В. Калюта в статье «Русский Верден»: Осовецкая крепость в годы Первой мировой войны» [3] проводят эпическую параллель между двумя крепостями, расположенными на разных театрах боевых действий одной войны, выделив периоды обороны Осовца, а также факторы благоприятствовавшие успешному сопротивлению русской крепости.

В контексте истории химической войны о защитниках Осовца пишет в своей работе белорусский автор В. Н. Белявина [4]. Упомянув легендарную атаку 13-й роты 226-го пехотного Землянского полка на 18-й ландверный полк немцев, автор описывает состояние русских солдат и офицеров, подвергшихся отравляющему воздействию хлоро-бромистой субстанции: <...> Сотрясаюсь от кашля, выплевывая на гимнастерки кровь и сожженные хлором обрывки легких, они с хриплым криком «ура» бросились в контратаку. Потрясенные видом «оживших трупов», немцы

отступили [4 с. 173]. В приведенном описании содержится неточность. В отчете об обороне крепости, составленном комендантом Осовецкой крепости генерал-майором Н. А. Бржозовским и начальником штаба крепости М. С. Свечниковым, немцы приняли бой. Следовательно, солдаты и офицеры 13-й роты не могли воевать, будучи без легких.

Заслуживает внимания статья историка А. Смирнова, опубликованная в журнале Родина под названием «Атака мертвых» (осуществлялась уже отравленными в результате немецкой газовой атаки защищавшими крепость солдатами и офицерами 13-й роты Землянского полка) [5]. Интерес вызывает также проведенный в статье скрупулезный анализ картины художника В. Нестеренко «Мы – русские, с нами Бог!», посвященной защитникам крепости Осовец. В центре внимания автора находится проблема соответствия полотна принципам историзма и документализма. Обнаруживая несоответствие многих деталей произведения реалиям исторической действительности, А. Смирнов реабилитирует автора картины справедливо замечая, что «полотно Василия Нестеренко – <...> это не наглядное пособие для изучения кампании 1915 г. на Русском фронте, а символ национального духа, глубоко волнующий образ, лекарство для души» [5, с. 50].

Продолжением героико-патриотического прочтения Осовецкой темы, но уже с позиций ее демифологизации стала вышедшая в это же время статья К. А. Пахалюка «Оборона крепости Осовец. О генеалогии одного героического нарратива» [6]. Исследователь призывает подходить с позиций строгой научной объективности к героизму и боевой работе гарнизона крепости, «не допускать свойственной для СМИ деформации фактов, почерпнутых из исторических источников, подчинение их привнесенным извне идеям, грубое использование для выполнения социальных функций» [6, с. 56]. В статье проводится мысль о недопустимости «<...> потребительского отношения к историческим реалиям, так как это может привести к выхолащиванию и искажению их смысла, приданию им содержания, прямо противоречащего изначальному». «Стремление же искусственно сделать историю актуальной», – отмечает К. А. Пахалюк, – «насытив ее как бы современными смыслами, неизбежно приводит к мифологизации» [6, с. 56]. К сожалению, не избежала медийного переосмысления и история обороны крепости Осовец.

Таким образом, история Осовецкой крепости в 1882–1915 гг. хорошо изучена в литературе. Как видно из приведенного выше

обзора, в центре исследовательского интереса находится крепость и ее позиции. Вместе с тем отсутствуют исследования, посвященные крепостной периферии Осовца, т. е. району в географическом и правовом отношении к нему тяготеющему. Речь идет в первую очередь о жителях близлежащих населенных пунктов, подвергавшихся воздействию «мощных силовых полей», генерируемых крепостью в лице ее коменданта и штаба в форме приказов, инструкций и распоряжений. Направленность их очевидна – это структурирование, организация и подчинение «жизненных ритмов» местного населения функциональным задачам крепости. Взаимодействие этих «двух миров» – с одной стороны гражданских людей (мещан, крестьян, землевладельцев, предпринимателей), с другой – профессиональных военных (артиллеристов, пехотинцев, кавалеристов), возникающие между этими занятыми решением диаметрально противоположных задач людьми коллизии, противоречия, особенно проявившиеся в связи с началом Первой мировой войны, – все это требует специального рассмотрения на основе тщательного изучения как источников личного происхождения, так и архивных документов.

Нужно также учитывать, что дважды (в 1914 и 1915 гг.) мишенями для семнадцати батарей артиллерии блокадного германского корпуса (минимум 68 тяжелых орудий) стал не только гарнизон Осовца, фортификации и окопы возле крепости, но и населенные пункты района Осовецкой крепости. Все они подвергались разрушительному воздействию русско-германской артиллерийской дуэли. Архивные документы зафиксировали случаи многочисленных попаданий снарядов или осколков в жилые дома, хозяйственные постройки, храмы. Факты полного или частичного разрушения объектов гражданского назначения в крепостном районе Осовца во время осады крепости зафиксированы в делопроизводстве Белостокской особой оценочной комиссии, специально созданной для оценки и возмещения имущественных убытков местному населению.

Не претендуя на полноту и всесторонность исследования заявленной выше проблемы, в статье на основе документальных (в первую очередь делопроизводственных) материалов Национального исторического архива Беларуси в Гродно предпринята попытка представить границы Осовецкого крепостного района и положение его жителей, оказавшихся заложниками опасного соседства с крепостью Осовец в 1914–1915 гг.

В конце XIX в. крепостной район Осовецкой крепости состоял из населенных пунктов и угодий (пахотные земли, сенокосные луга мещан, крестьян и помещиков), расположенных в радиусе 7 верст от крепости. По состоянию на 21 апреля 1888 г. в район входил г. Гониондз, деревни Шафранки, Гузы, Большая Крамковка, Богушек,

Кулеши-Косовка, Виляновка, урочище Устинок, Дембово, Соколи Гронд, Ольхова Дирога и Абрашупы, а также сенокосные луга помещиков Гарабурды, Антона и Ивана Нецецки, Ришарда и Петра Невяровских [7, лл. 5–5 об.]. Для местного населения это означало, что отдельные значимые стороны их повседневной жизни контролируются командованием крепости. Надзорные функции коменданта крепости распространялись на сферу имущественно-правовых отношений и непосредственно затрагивали «установление права собственности владения или пользования на недвижимые имущества в пределах крепостного района» [7, л. 2]. Процессуальная сторона совершаемых нотариальных актов неизбежно требовала санкции военной власти из крепости. Совершение любых гражданско-правовых актов «присутственными местами и должностными лицами осуществляется не иначе как по представлении сторонами удостоверений о неимении к тому препятствий со стороны коменданта крепости» [7, л. 2]. Возможность вмешательства крепостных властей в компетенцию нотариальных учреждений Гродненского окружного суда специально оговаривалась в статье 6 и примечаниях №1–2 дополнения к положению об управлении крепостями в Российской империи (опубликовано в Собрании узаконений и распоряжений Правительства за 1887 г.) [7, л. 2 об.].

К 1892 году Осовецкий крепостной район существенно изменился. Он включал в себя не только населенные пункты (зачастую с необычными и редкими названиями), сельскохозяйственные угодья, но также объекты самых разных форм собственности и функционального назначения: Сольна Баля, урочище Борда, д. Переселки, урочище Пышки, урочище Лососна (собственность помещика О' Бриен де Ласси), господский дом Августово, урочище Пость Вонючка, корчма при имени Августово, Фигики, Колбасино с фольварком, урочище Шведский мост, Чеховщизна с фольварком, Скоморочиhi и полустанок Коробчица [8, лл. 27–29]. При этом выясняется полное несовпадение понятий «Осовецкий крепостной район» (14 вышешпоименованных населенных пунктов) и «район Осовецкой крепости» по целому ряду важнейших параметров. Так называемый «район Осовецкой крепости» включал в себя первый и второй районы, кардинально разнившиеся между собой по количеству населенных пунктов, входивших в их состав. К сожалению, в собранных местной полицией данных встречаются повторы и неточности, что не дает возможности определить какие конкретно населенные пункты вошли в каждый из этих районов. Так, Гониондз (Белостокский уезд), Кнышин (Белостокский уезд) и Суховоля (Сокольский уезд) отнесены Гродненским губернским статистическим комитетом и Врачебным отделением Гродненского губернского правления к двум районам одновременно [8, лл. 7;

лл. 22–22 об.]. Всего по сведениям этих учреждений к Осовецкой крепости отнесены 539 населенных пунктов: заштатные города, деревни, села, имения, урочища, фольварки, околицы, выселки, хутора, дачи, местечки, посады и колонии [8, лл. 43–70].

С 21 декабря 1891 года коменданты Осовецкой крепости начали регулярный сбор статистических данных о демографическом и хозяйственно-экономическом потенциале района крепости. Собранные губернским статистическим комитетом, губернской комиссией народного продовольствия и врачебным отделением губернского правления Гродненской губернии в Белостокском, Сокольском, Бельском и Гродненском уездах сведения направлялись в канцелярию Гродненского губернатора. Затем статистические ведомости с соблюдением режима секретности пересылались канцелярией Гродненского губернатора коменданту Осовецкой крепости [8, л. 182].

Администрацию последней интересовал состав народонаселения крепостного района «по племенам и наречиям», число жителей в населенных пунктах и их распределение по половому признаку, сословной, профессиональной и конфессиональной принадлежности. Например, в наиболее крупном населенном пункте района Осовецкой крепости в заштатном городе Кнышин в 1892 г. зафиксировано 5487 жителей. Соотношение между мужчинами и женщинами приблизительно одинаковое (2752 мужчины / 2735 женщины). Представителями доминирующих сословий в Кнышине были цеховые и мещане, которых насчитывалось 2600 человек. По роду занятий здесь преобладали землевладельцы, арендаторы и земледельцы – 406 человек. К наиболее многочисленной конфессии относились римо-католики и иудеи [8, л. 7]. К крупным населенным пунктам Осовецкого крепостного района следует отнести такие, как заштатный город Гониондз, Суховоля и Корицын.

Особым вниманием военной администрации Осовца пользовались данные о запасных магазинах в крепостном районе и о количестве хранящегося в каждом из них озимого и ярового хлеба. На случай войны и открытия масштабных боевых действий (с неизбежными в такой ситуации потерями в живой силе) проводилось исследование медицинского потенциала крепостного района. К коменданту крепости стекались сведения о больницах, аптеках и числе врачей в населенных пунктах [8, л. 22]. Ниже в таблице 1 приведена сделанная автором экспликация из ведомости, позволяющая судить о довольно скромной обеспеченности населенных пунктов Осовецкого крепостного района медицинскими учреждениями и персоналом.

Таблица 1

**Сведения о больницах, аптеках и числе врачей
во втором районе Осовецкой крепости [8, лл. 22–22 об.].**

№	Населенный пункт	Количество			
		больниц	приемных покоев	аптек	врачей
		1	1		гражданских
		коечных мест или их отсутствие —			чел.
	Белостокский уезд				
1	Гониондз	—	1	1	1
2	Кнышин	1	?	1	2
3	Заблудов	1	?	1	2
4	Супрасль	—	—	1	—
5	Тростяны	—	—	1	1
6	Ясенов	—	1	—	—
	Сокольский уезд				
1	Янов	6	—	1	1
2	Суховоль	1	—	1	1
3	Васильков	—	—	1	—
4	Домбров	—	—	1	1
5	Сидр	—	1	—	—
	Гродненский уезд	данные отсутствуют			
	Бельский уезд				
1	Брянск	6	—	1	2
2	Семятичев	—	—	1	2
3	Цехановцы	—	—	1	2
4	Боцьки	—	1	1	—
5	Дрогичин	6	—	1	1
6	Клещели	6	—	1	1
7	Орел	—	—	1	—

С каждым годом сбор статистических данных о крепостном районе приобретал все более системный характер. Коменданты Осовецкой крепости делали запросы в местные исполнительные учреждения Гродненской губернии с целью выяснения размеров материальных средств местного населения. Собирались сведения о продовольственных ресурсах, возможности размещать войска у населения, средствах передвижения войск, артиллерии и т.д. Более детальное представление о содержании таких запросов можно получить из помещенной ниже в таблице 2 анкеты.

Таблица 2

**Материально-ресурсная база Осовецкого
крепостного района в 1890-е гг. [8, лл. 27–29]**

№	Что конкретно интересует военных, населенный пункт, количество
	1
1	дворы и жилые постройки (деревянные / каменные)
2	численность войск, которые можно в них расквартировать
3	водоснабжение (колодцы)
4	хлебопекарные печи (производительность / сутки)
5	запасные хлебные магазины (объем хлеба в них)
6	мельницы (тип, производительность / сутки)
7	кузницы
8	земля пахотная, луговая, пастбища, усадебная и огородная, не возделываемая (десятин)
9	лес строевой, для топлива (десятин)
10	урожайность хлеба, сена
11	конезаводы и лошади
12	подводы у населения
13	средняя пассажиро- и грузо- подъемность подводы
14	преобладающая запряжка (парная или одиночная)
15	быки, пригодные для упряжки
16	остальной рогатый скот, свиньи и овцы

Все эти данные могли иметь относительную ценность. В боевых условиях ситуация как правило, оборачивается совершенно неблагоприятной стороной. Несмотря на наличие в мирное время в крепостном районе значительных резервов тягловой силы (лошади, быки) при эвакуации крепости Осовец, начавшейся 18 августа 1915 г., гарнизон вывозил тяжелую артиллерию и боеприпасы по шоссе в Гродно буквально «на собственных плечах». Мера конечно вынужденная и крайняя: люди заменили отсутствовавших лошадей, и в специальных лямках для перемещения только одного орудия оказывалось от 30 до 50 артиллеристов или ополченцев [1].

С началом Первой мировой войны крепость Осовец оказалась на осадном положении. По этой причине комендант крепости генерал-лейтенант Шульман сделал специальное объявление, адресованное гарнизону крепости, а также военнослужащим и гражданским лицам Осовецкого крепостного района. В нем оговаривалась мера ответственности этих лиц за нарушение законов военного времени, а также их подсудность военному суду с вынесением в случае доказанности вины самых суровых приговоров.

«Объявление о наказаниях по крепости Осовец и ее крепостному району» коменданта Шульмана отражает с одной стороны, весь драматизм ситуации в котором оказался ее гарнизон, так как с началом

Первой мировой сама крепость и ее крепостной район находились в тылу Северо-Западного фронта, с другой – демонстрирует отсутствие у командования полной уверенности в благонадежности как местного населения, так и собственных солдат и офицеров.

Основанием для подобного рода опасений стала неприятная история, случившаяся в Осовце в сентябре 1906 г., прологом к которой стало обнаружение у солдат Осовецкого крепостного гарнизона литературы агитационно-пропагандистской направленности с очевидным противоправительственным уклоном [10].

Полтора года (по апрель 1907 г.) длилось дознание и следственные действия среди нижних чинов по данному делу. Все началось с того, что в 9 часов по полудни 17 сентября 1906 г. ротмистр отдельного корпуса жандармов Скалон и командир 8-й роты Осовецкой крепостной артиллерии капитан Боженев произвели обыск казармы нижних чинов 8-й артиллерийской роты Заречного форта. Обыск проводился с разрешения коменданта Осовецкой крепости на основании ст. 21 Положения о Государственной охране от 14 августа 1881 г. с соблюдением полагающихся в подобной ситуации формальностей [10, л. 5]. В присутствии приглашенных в качестве понятых командира 2-й роты штабс-капитана Станчека и Петра Семенюка, был произведен тщательный досмотр помещения. Среди продуктов хранившихся во втором отделении ларя канонира 8-й роты Н. И. Кокурина (под крупой) были обнаружены 50 прокламаций, 8 брошюр, 1 книга, а также 3 отдельные страницы из книг антиправительственного содержания [10, л. 5 об.]. Картину преступления дополнял лист бумаги с адресами, написанными рукой подозреваемого [10, л. 6]. Большая часть изданий исходила от комитета военно-революционной организации с аббревиатурой «В.В.О.» и была адресована народу или конкретным целевым группам (солдаты, крестьяне). Цели, декларируемые авторами анонимных прокламаций и брошюр, как правило, сводились к мобилизации населения России на политическую борьбу против действующей власти или были направлены на формирование устойчивых негативных реакций на идеологические акции властей («Ответ на черносотенную прокламацию Николая II от комитета военно-революционной организации В.В.О.» изд. 1906 г.). Предлагались также пути государственного переустройства Российской империи на основе принципов «истинного народовластия» (брошюра «О формах народного представительства») [10, л. 6].

По итогам проведенного дознания были заключены под стражу 10 человек. Более подробные сведения анкетного содержания об арестованных нижних чинах содержатся в таблице 3.

Таблица 3

**Нижние чины Осовецкого крепостного гарнизона,
привлеченные в качестве обвиняемых по делу [10, лл. 1–2]**

№	Фамилия, имя, отчество	число, месяц и год рождения	сословная принадлежность	мобилизован из	состоит на военной службе	заключен под стражу	заключен под стражу
	1	2	3	4	5	6	7
1	Кокурин Никита Иванович	03.09.1883 г.	крестьянин	Нижегородской губернии	канонир 8-й роты крепостной артиллерии	17.09.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме
2	Абрамов Михаил	08.11.1881 г.	крестьянин	Симбирской губернии	младший фейерверкер 8-й роты крепостной артиллерии	17.09.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме
3	Щелепцой Михаил Евдокимович	09.07.1882 г.	крестьянин	Брянского уезда Орловской губернии	рядовой крепостной саперной роты	24.09.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме
4	Авдонин Павел	10.01.1882 г.	крестьянин	Саратовской губернии	бомбардир-наводчик 1-й роты крепостной артиллерии.	17.09.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме
5	Озорнов Михаил Сергеевич	16.02.1883 г.	крестьянин	Нижегородской губернии	канонир 8-й роты крепостной артиллерии	26.09.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме

Окончание таблицы 3

6	Чабак-Галич Василий Петрович	05.04.1882 г.	крестьянин	Черниговской губернии	ефрейтор крепостной саперной роты	02.10.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме
7	Бахарев Василий Тимареевич	02.04.1883 г.	крестьянин	Пермской губернии	мастерской младшего разряда низшего оклада в крепостной артиллерии	нет данных	находится в бегах
8	Пухвало Яков Филипович	22.10.1881 г.	казак	Черниговской губернии	ефрейтор в крепостной саперной роте	03.11.1906 г.	заключение в казематированной казарме №48 в крепости Осовец
9	Авксентьев Иван Васильевич	23.02.1882 г.	мещанин	г. Брянск	нестроевой младшего разряда в крепостной саперной роте	нет данных	заключение в казематированной казарме №48 в крепости Осовец
10	Райков Афанасий Захарьевич	14.01.1882 г.	крестьянин	Тульской губернии	запасной фейерверкер 8-й роты крепостной артиллерии	06.03.1907 г.	заключение в казематированной казарме №48 в крепости Осовец

Однако как покажут боевые действия 1914 и 1915 гг. опасения в отношении моральных качеств и боевого духа личного состава крепости оказались беспочвенными. Сентябрьский штурм 1914 года был отражен благодаря слаженным и профессиональным действиям гарнизона. Информация о событии сразу стала достоянием журналистских кругов, а также послужила основой для многочисленных брошюр и проспектов патриотического содержания. Так, из опубликованного в типографии «Сельского Вестника» проспекта «Оборона Осовца» [11, лл. 58–58а об.] вырисовывается образ героя сентябрьского обстрела штабс-капитана Мартынова, потушившего 15 сентября 1914 г. пожар в пороховом погребе крепости. Воспламенение случилось в результате попадания в сквозник погреба немецкого снаряда [11, л. 58а]. В проспекте упоминается много других неординарных поступков, выходящих за рамки обыденного военного функционала, совершенных защитниками Осовецкой крепости, и имеющих под собой абсолютно реальную основу. Героизм, проявленный ее защитниками несомненен, и требует серьезного научного осмысления.

Военные действия в районе Осовецкой крепости принесли значительные материальные потери местному населению, которое страдало от действий как германской, так и российской армий. Еще 16 июля 1914 г. гродненский губернатор В.Н. Шебеко распорядился об образовании Белостокской особой оценочной комиссии [12, л. 1]. В обязанности комиссии входила оценка убытков, причиненных саперными и инженерными работами по обороне Осовецкой крепости. Назначение на должность председателя комиссии получил белостокский уездный предводитель дворянства В.А. Семенов [12, л. 2].

Позже, а именно – с марта 1915 г. к работе приступила подкомиссия под председательством земского начальника пятого участка В.А. Троицкого для определения убытков, причиненных неприятельской бомбардировкой района Осовецкой крепости. Гневные жалобы частных лиц на причиненный ущерб и настойчивые ходатайства возместить убытки потребовали от Министерства внутренних дел (МВД) начать формирование аналогичных органов во всех губерниях Российской империи, оказавшихся в зоне боевых действий [12, л. 24]. В каждом отдельном случае по горячим следам устанавливались размеры разрушений, и велся скрупулезный подсчет всех имущественных потерь. В то же время, власти неоднократно предупреждали население о нереальности полного возмещения казной, утраченного в войне частного имущества.

В первой декаде ноября 1914 года начались слушания актов предварительной оценки имуществ, снесенных у жителей заштатного города Гониондз, в имении Кнышин–Гониондз (усадьба Добарские–Гронды) и в деревне Старое Долистово [12, лл. 4–10]. 14 ноября 1914 г. делопроизводство было завершено, и все документы председатель комиссии В.А. Семенов отправил коменданту Осовецкой крепости генерал-лейтенанту Шульману [12, л. 11]. В работе комиссии принимали участие: податной инспектор Белостокского уезда С. М. Нюренберг (председательствующий), земский начальник 5-го участка В. А. Троицкий, уездный исправник М. И. Дехтярев, депутат от военного ведомства ротмистр Дирин (по назначению коменданта Осовецкой крепости), инженер гродненского губернского распорядительного комитета А. А. Березин (эксперт), Гониондзский староста Потоцкий и присяжные оценщики Владислав Климашевский и Ксаверий Потоцкий (мещане) [12, л. 2].

Первым рассматривалось дело мещанина Хацкеля Мовшовича Белостоцкого [12, лл. 2–3 об.]. Активно занимавшийся предпринимательской деятельностью в довоенное время, Белостоцкий получал значительный доход от принадлежавшей ему в Гониондзе паровой мукомольной мельницы и лесопильного завода. Однако Первая мировая война и начало боевых действий прервали работу принадлежавших ему производств, принеся только за первых 4 месяца убытков на 2500 рублей [12, л. 2 об.]. Кроме того, за снесенные по распоряжению военных властей строения и расхищенное солдатами имущество Хацкель Белостоцкий запросил компенсацию в размере 24010 рублей. В эту сумму вошли некогда принадлежавшие предпринимателю 3 дома, амбар для хранения муки, фруктовый сад, 5 деревянных сараев, ледник, кузница, дощатый навес, забор вокруг сада и усадьбы, пиломатериалы. Не досчитался гониондзский мещанин также мебели, фортепиано, медной посуды и др. утвари. Исчез из усадьбы даже пруд с рыбой. Существенно пострадало каменное здание мельницы, в котором были высажены окна, разобрана крыша и потрескались стены. Из заключения, подготовленного выехавшими на место присяжными оценщиками и экспертами комиссии, следовало, что заявление Хацкеля Белостоцкого и его свидетеля Абея Янкеля Генберга не соответствует реальному положению вещей [12, л. 3]. Из запланированного к сносу по обстоятельствам военного времени недвижимого имущества практически все осталось нетронутым. В связи с открывшимися фактами умышленной фальсификации сведений со стороны владельца, оценочная комиссия на последнем

своем заседании, состоявшемся 15 декабря 1914 г., понизила размер предусмотренной Белостокскому компенсации до 8982 рублей [12, л. 3 об.].

В условиях военного времени действия военных могли носить жесткий, а порой и бесцеремонный характер. При строительстве окопов и блиндажей нередко использовались строительные материалы, добытые военными на месте частных усадеб и имений. С жалобами на самоуправство военных в Белостокскую особую оценочную комиссию обращались поверенные местных землевладельцев. Так, 14 августа 1914 г. частный поверенный П. Ф. Перович направил коменданту крепости прошение. Адвокат в данном случае действовал от имени своего вверителя гр. К. Э. Рачинского – владельца имения Кнышин–Гониондз [12, лл. 4–5]. В прошении отмечалось, что 26 июля 1914 г. в принадлежавшую Рачинскому усадьбу Добарские-Гронды вторглись войска и разобрали два жилых деревянных одноэтажных дома, амбар, сарай для хранения хлеба и содержания скота, забор вокруг усадьбы для сооружения объектов оборонительного назначения на месте снесенной усадьбы [12, л. 4 об.]. Уничтожению подверглись остатки мебели, которые в отведенные для эвакуации два часа не успели вывезти из усадьбы управляющий имением И. М. Васневский и сторож Александр Карвовский. Большая часть собранного летом 1914 г. в имении урожая сена (1000 пудов), ржи и картофеля была использована войсками на подстилку и для корма лошадей, а остатки – сожжены [12, л. 4]. Масштаб разорения полностью подтвердился в составленном 8 ноября 1914 г. приставом 4 стана Белостокского уезда официальном протоколе. Текст документа был подготовлен на месте уничтоженной усадьбы с соблюдением формальностей: в присутствии понятых, свидетелей и депутата от военного ведомства прапорщика 304 Новгород-Северского пехотного полка К. Ф. Юревича. О существовании некогда в урочище Добарские-Гронды усадьбы напоминали теперь лишь остатки каменных фундаментов. Доски и бревна от снесенных построек были обнаружены в окопах и блиндажах. Оценочная комиссия сочла возможным назначить гр. К. Э. Рачинскому компенсацию за понесенные убытки в размере 2445 рублей, что оказалось на 1229 рублей 50 копеек меньше суммы, заявленной его поверенным П. Ф. Перовичем [12, л. 5].

Создание рубежа обороны в самом крупном населенном пункте Осовецкого крепостного района г. Гониондзе потребовало провести снос и уничтожение построек 31 местного жителя [12, лл. 6–8]. 25 июля 1914 г. по данному делу помощник полицейского исправника Белостокского уезда (присутствовали депутаты от военного ведомства

и присяжные оценщики) составил акт предварительной оценки. Однако 28 октября 1914 г. начальник штаба Осовецкой крепости признал содержащиеся здесь сведения недостоверными: из 31 домовладения подверглись сносу только 19. С учетом открывшихся новых обстоятельств комиссия признала возможным выплатить 19 жителям Гониондза вознаграждение в 21454 рубля [12, л. 8]. Самая большая компенсация в 2875 рублей причиталась Осипу Францеву Цимоху как понесшему наибольшие потери (снесен новый деревянный жилой, крытый черепицей дом общей площадью 27 сажень, сарай, скотный двор и забор) [12, л. 7]. Минимальные, но, наверное, и самые бессмысленные убытки – всего на 75 рублей, были причинены владелице пивоваренного завода Хаи Рудской [12, л. 8]. Из производственного здания пивоварни солдаты выбросили на улицу котел и развалили стоявшую там печь. У городских обывателей в первую очередь изымался хлеб, а сено и солома использовались для наполнения тюфяков.

В делопроизводстве Белостокской особой оценочной комиссии в рассматриваемый период находилось также дело о сносе в целях обороны Осовецкой крепости (строительство окопов и траншей) 10 частных построек в деревне Старое Долистово [12, лл. 9–9 об.]. Но в данном случае действия военных не отличались оперативностью. Как установил прибывший на место 10 сентября 1914 г. по поручению Белостокского уездного исправника полицейский надзиратель Воскресенский, постройки снесены только у двух владельцев. Первая собственница – Марианна Антоновна Кундзевич лишилась старого крытой соломой деревянного дома с хлевом под одной крышей (500 рублей). У второго жителя Старого Долистово – Аполония Томчика до основания разрушен старый бревенчатый дом [12, л. 9]. Мнения членов уездной оценочной комиссии и депутата от военного ведомства капитана Проневича сошлись на сумме общей компенсации для Кундзевич и Томчика в 850 рублей [12, лл. 9–9 об.].

Во время вооруженных столкновений российской и германской армий под Осовцом были повреждены или разрушены многие римско-католические церкви и часовни, пострадали здания, занимаемые причитами и хозяйственные постройки. Боевые действия нанесли крупный материальный ущерб римско-католическому духовенству, представители которого в подобных условиях не могли исполнять свои пасторские обязанности. Со всей остротой встал вопрос о восстановлении разрушенных объектов культового назначения и определении размеров компенсаций. Подсчет

конкретных потерь МВД и Департамент духовных дел возложили на римско-католические епархии [12, лл. 24–24 об.].

Параллельно решением данной проблемы по своим «административным каналам» занялись власти Белостокского уезда. Так, 2 марта 1915 г. и.д. гродненского губернатора из г. Слонима обратился к белостокскому уездному предводителю дворянства В.А. Семенову с просьбой о создании Особой комиссии для обследования поврежденных или разрушенных зданий римско-католических приходов [12, лл. 24]. Комиссия формировалась из представителей администрации, римско-католического духовенства пострадавших приходов и технического надзора. Комиссия должна собрать и представить начальнику Гродненской губернии сведения о том, какие именно здания, принадлежащие римско-католической церкви, пострадали во время сражений и в чем именно выражались причиненные им повреждения. Власти хотели также располагать точными сведениями: на чьи средства содержались пострадавшие здания церквей и церковных строений и в чьей собственности они находились (прихода, учреждения или частных лиц). Восстанавливать нарушенное военными действиями течение церковной жизни власти планировали силами местного населения [12, л. 24 об.].

Временное затишье, наступившее с середины марта 1915 г. под Осовцом, дало возможность подкомиссии В.А. Троицкого на месте определять убытки, причиненные неприятельской бомбардировкой района крепости. Устанавливался алгоритм подобных мероприятий: 1) прием заявлений от потерпевших; 2) опрос под присягой понятых, знавших о состоянии имущества до войны [12, л. 36]. До начала третьей декады мая 1915 г. члены подкомиссии успели рассмотреть заявления и составить оценочные акты 39 жителей г. Гониондза, деревень Гузы, Шафранки и Довнары и других местностей [12, л. 37]. Однотипность собираемой чиновниками информации позволяет провести формализацию и обобщение имеющихся данных в виде таблицы (см. таблицу 4), не конкретизируя каждый отдельный случай.

Таблица 4

Список лиц (39), которые понесли убытки от неприятельских войск [12, лл. 37–39].

фамилия, имя, отчество	название местности	в чем заключаются убытки	сумма убытков		примечание
			рублей	копеек	
1	2	3	4		5

Самые массовые повреждения в жилищах были причинены осколками или взрывной волной от разорвавшихся снарядов (выбиты стекла, поломана черепица на крышах домов, разбиты дымовые трубы, ставни, пробиты стены, вынесены наружные двери, разломано крыльцо и т.д.). В ситуациях прямого попадания фугасного крупнокалиберного боеприпаса в деревянный дом происходило его полное разрушение, если об стену каменного дома ударялся снаряд небольшого калибра, то в стене, как правило, образовывалась только брешь.

Больше всего от немецкого обстрела пострадал римско-католический костел в Гониондзе. Размер причиненного храму ущерба был оценен в 5000 рублей. Кроме уничтоженных двух алтарей, органа и всей внутренней обстановки, выехавшая на место подкомиссия, зафиксировала отсутствие у здания наружной стены и окон. Оказались поврежденными ограда и колокольня. В доме ксендза осколками выбиты все окна [12, лл. 37–38 об.]. В приходском училище в Гониондзе повреждена стена, разбиты окна и испорчена крытая гонтом крыша (размер ущерба – 150 рублей) [12, л. 38]. В отдельных случаях требовалось составление особых оценочных актов (например, в случае разрушения аптеки в Гониондзе) [12, л. 38 об.].

Из частных обывателей максимальные финансовые потери понесли Мошко Трояновский – 800 рублей (на доме уничтожена крыша, потолки, внутренние стены и печи) [12, л. 38 об.], у Элько Янкелева Рубина полностью разрушен деревянный дом (600 рублей) [12, л. 38], Овсей Нахимов Трещанский лишился деревянного дома стоимостью в 600 рублей [12, л. 37 об.]. Безусловно, не все жилые постройки равноценны. Например, в собственности Феликса Францева Бельского из деревни Довнары находился деревянный дом. После прекращения обстрела выехавшая в Довнары оценочная комиссия осмотрела «руины» некогда принадлежавшего Бельскому дома, определив размер компенсации в 150 рублей [12, л. 39]. Среди тех, кому повезло значительно больше следует упомянуть жительницу деревни Шафранки Констанцию Ксаверьеву Петоцкую, чей материальный ущерб оказался минимальным: в ее жилище было выбито 10 стекол общей стоимостью 3 рубля [12, л. 39].

Судя по всему население, пострадавшее от военных действий в районе Осовецкой крепости не успело ни получить экстренной материальной помощи от Белостокской уездной оценочной комиссии ни начать восстановление своих пострадавших жилищ. Да и смысла отстраивать изувеченное войной жилье не имелось, так как в 19.00 вечера 20 мая 1915 г. германцами был начат новый массивированный обстрел населенных пунктов крепостного района [12, л. 44].

В результате бомбардировки только одной деревни Гузы-Гониондзские суммарный убыток по причине произошедшего здесь крупномасштабного пожара достиг 58500 рублей. В огне оказались до основания уничтоженными 18 жилых домов, а также 21 хлебный сарай и 45 сараев для содержания скота, принадлежавших 23 домовладельцам [12, л. 38].

Даже в этих крайне неблагоприятных условиях Белостокская оценочная комиссия и ее подкомиссия пыталась добросовестно и скрупулезно выполнять свои обязанности. Трижды, а именно 25, 29 и 30 мая 1915 г. члены подкомиссии выезжала в район Осовецкой крепости в выше указанные населенные пункты [12, л. 47]. Но оценочные действия так и не состоялись: потерпевших выселили из мест проживания для последующей эвакуации в районы пока еще не затронутые войной. Деятельность комиссии оказалась практически парализована из-за постоянно возобновляющихся неприятельских обстрелов, каждый раз сопровождающихся человеческими жертвами. Именно эти причины, по словам местного предводителя дворянства В.А. Семенова, легли в основу решения о сворачивании работы комиссии. В официальном письме, датированном 5 июня 1915 г. и адресованном земскому начальнику пятого участка Белостокского уезда В.А. Троицкому (председатель подкомиссии по оценке лугов), он объяснял причины прекращения оценочных действий: «подкомиссия была вынуждена приостановить свою деятельность, так как под влиянием исключительных условий военного времени одно и то же имущество подвергается новым повреждениям вплоть до полного уничтожения ввиду продолжающейся неприятелем бомбардировки района Осовецкой крепости и установить определенные данные оценки в данное время не представляется возможным» [12, л. 46 об.].

Пока еще не прекратила оценку пострадавших частных имуществ последняя подкомиссия по оценке лугов [12, л. 48]. Ее члены решались выезжать лично и проводить обследования на месте не взирая на риск оказаться под огнем немецкой артиллерии. Комиссия занималась подсчетом убытков местных дворян-землевладельцев, угоды которых пострадали от боевых действий. Заседания данной комиссии проходили в крепости Осовец под председательством В. А. Троицкого, а в случаях его отсутствия, как это было в субботу 13 июня 1915 г., место председателя занимал адъютант штаба Осовецкой крепости капитан Локк. В этот день состоялось последнее заседание, на котором члены и этой комиссии под грузом обстоятельств приняли решение о самоликвидации [12, л. 48 об.].

Список источников и литературы

1. Хмельков, С. А. Борьба за Осовец / С.А. Хмельков. – М.: Воениздат НКО СССР, 1939. – 96 с.
2. Яковлев, В. В. История крепостей. Эволюция долговременной фортификации / В. В. Яковлев. – СПб.: Полигон, 1995. – 311 с.
3. Пивоварчик, С. А., Калюта, В. В. «Русский Верден»: Осовецкая крепость в годы Первой мировой войны» / С. А. Пивоварчик, В. В. Калюта // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2015. – №3 (203). – С. 53–59.
4. Белявина, В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны / В. Н. Белявина. – Мн.: Беларусь, 2013. – 398 с.
5. Смирнов, А. Атака мертвых / А. Смирнов // Родина. – 2015. – №9. – С. 44–50.
6. Пахалюк, К. А. Оборона крепости Осовец. О генеалогии одного героического нарратива / К. А. Пахалюк // Свободная мысль. – 2016. – №2. – С. 43–58.
7. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 1 (Канцелярия гродненского губернатора). – Оп. 8. – Д. 2092. Переписка с уездными исправниками о доставлении сведений председателем окружного суда о территории, входившей в состав Брестской и Осовецкой крепостей. – 8 лл.
8. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 39. Сведения о населенных пунктах входивших в состав Осовецкой крепости. – 182 лл.
9. НИАБ в Гродно. – Ф. 301 (Белостокское уездное полицейское управление Белостокского уезда Гродненской губернии). – Оп. 1. – Д. 3. Циркуляры Департамента полиции о порядке установления надзора за деятельностью кинематографов, выдаче паспортов вечноцеховым ремесленникам, обмундирования ратников ополчения и др. – 274 лл.
10. НИАБ в Гродно. – Ф. 1694 (Осовецкая крепостная жандармская команда). – Оп. 1. – Д. 1. Дознание, произведенное при Осовецкой крепостной жандармской команде. О хранении и распространении литературы противоправительственного содержания нижними чинами Осовецкого крепостного гарнизона. – 424 лл.
11. НИАБ в Гродно. – Ф. 93 (Белостокский уездный предводитель дворянства). – Оп. 1. – Д. 101. Переписка с Гродненским губернатором, податным инспектором Белостокского уезда и др. об оказании помощи жителям, пострадавшим от военных

действий, о ходе инфекционных болезней, среди воинских чинов и др.
– 224 лл.

12. НИАБ в Гродно. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 93. Дело об оценке убытков, причиненных военными действиями в районе Осовецкой крепости жителям Белостокского уезда. – 50 лл.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ